

Делай или умри

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВА

«Это наилучшая дань, какую я мог благоговейно отдать тому, что окончательно сформировало мой характер, убеждения и, в некотором смысле, определило мою судьбу: дань вечному морю, кораблям, которых уже нет, и простым людям, окончившим свой жизненный путь».

Джозеф Конрад, «Зеркало морей»

Джозеф Конрад (1857–1924), урожденный Юзеф Теодор Конрад Коженевский, появился на свет в семье польского дворянина Аполлона Коженевского, сосланного за патриотические убеждения в Вологду — столицу русской политической ссылки. Сам Коженевский был человеком заносчивым и высокомерным. Но к сыну он относился с вниманием, приучил его к чтению, обозначил литературные ориентиры.

Уже в детстве будущий писатель прочитал много хороших книг. Подростком Конрад отдал долг литературе приключений, ее высокой романтике, зову в неизведанные края и героической бутафории. А неизведанных мест во второй половине XIX в. оставалось немало.

Юзеф рано осиротел: родители после ссылки умерли от туберкулеза. Но дядя, брат матери, всерьез занялся его воспитанием. Обеспеченный человек, юрист и литератор, он определил Юзефа в школу сначала в Кракове, затем во Львове, которые входили тогда в состав Австро-Венгерской империи. Позже, когда мальчик проявил интерес к географии и путешествиям, он отправил его, хорошо говорившего по-французски, в Марсель изучать торговлю и морское дело. Юзеф впервые ступил на палубу судна в 16 лет. Подходил возраст воинской обязанности. Юноша был подданным Российской империи, к тому же сыном повстанца, и дядя опасался за его дальнейшую судьбу. Поэтому идея отправить его в море казалась ему правильной.

После четырех лет службы на французских судах он перешел в британский торговый флот и в течение следующих 15 лет служил под английским флагом. Юзеф прикипел к морю, парусным судам и, не переставая, учился морскому делу. Свою морскую службу он начинал юнгой, затем был стюардом, наконец, в британском торговом флоте, стал быстро делать карьеру, оказавшись уже на офицерских должностях: третий, второй и первый помощник и в итоге — патент капитана. Это был путь настоящего моряка. Получив английское гражданство, он взял новое имя — Джозеф Конрад.

Интересно, что первое сочинение Конрада на морскую тематику пришлось на 13-летний возраст, когда под впечатлением книги Л. Мак-Клинтока «Путешествие “Фокса” в арктических морях» он написал учебную работу по курсу географии. Книга была о поисках следов экспедиции британского адмирала Д. Франклина, который в 1845 г. на кораблях «Террор» и «Эребус» отправился на поиски Северо-Западного прохода. Для настоящего путешественника нет ничего ценнее достоверности, повествования, близкого к документальности. Кстати, именно такой подход ценил великий путешественник Д. Ливингстон. И Конрад еще подростком тянулся к такой литературе.

«Я до сих пор считаю, что для моего нежного возраста это был настоящий ученый труд», — вспоминал Конрад в эссе «География и некоторые исследователи», написанном в последний год жизни. В нем Конрад набрасывает лирические силуэты любимых героев — путешественников прошлого, пытается представить эмоции и характеры Колумба, де Бальбоа, Тасмана, Кука... Он отмечает, что в море у него не было чувства тоски: «Я никогда не бывал одинок, потому что неизменно находился в обществе. В обществе великих мореплавателей, первых взрослых друзей моих отроческих лет».

Позже, став капитаном, Конрад, не раз возвращался мыслями к любимым героям своей юности. Когда в 1888 г. ему предстоял рейс из Сиднея на остров Маврикий, он загорелся идеей пройти на паруснике через Торресов пролив в память о мореплавателях-первопроходцах Торресе, Тасмане и Куке. Он написал судовладельцам письмо с просьбой разрешить ему это, и те согласились. И вот... «Я был уже у входа в пролив Торреса, названный по имени бесстрашного и молчаливого испанца, который в XVII в. первым прошел этот путь, не зная, где он, не подозревая, что по одну сторону его корабля лежит Новая Гвинея, а по другую — весь австралийский континент. <...> Если духи умерших посещают места своих земных подвигов, то я, вероятно, находился под благосклонным покровительством трех этих теней: несгибаемого испанца — человека такой высокой доблести, что он не удостаивает и единым словом чудовищные трудности и опасности своего плавания; упрямого голландца, который, твердо уверовав, что пройти здесь невозможно, чуть не открыл истины, отклонившись от нее лишь миль на пятьдесят; и, наконец, великого англичанина, сына земли, прекрасного командира и профессионального моряка, который разрешил этот вопрос наряду со множеством других и не оставил после себя ни одной неразрешенной проблемы Тихого океана. Великие тени! Все друзья моей юности!»

Многому научившись у английских моряков, Конрад полагал, что на море они имеют особенное значение и что все англичане как люди, живущие на острове, по сути — моряки. Ведь в Англии «море вторгается в жизнь людей, и они знают о море кое-что или все». Им он склонен был приписывать упорство, сильную волю, чувство долга. «Я не говорю, что команда французского или немецкого торгового судна не сделает того же, но сделает она это по-иному. В них (английских моряках) было что-то законченное, что-то твердое и властное, как инстинкт...» Позже, словно в развитие мысли Конрада, примерно так же скажет о британцах Черчилль: «Британцы в минуты экстремальной опасности испытывают спокойствие духа и особую любовь к родному бренди». Или вот еще: «Если вы идете сквозь ад — идите, не останавливаясь». Поразительное спокойствие в момент катастрофы и достоинство в преодолении невзгод — как раз то, что всегда было близко Конраду, моряку и писателю. Вот почему он был уверен: «Если быть моряком, то в английском флоте, если писать о море, то по-английски». И он будет писать исключительно на английском.

В чем же гипнотическая сила конрадовского стиля? Герберт Уэллс говорил о литературе XX в., что сюжет надломился под тяжестью характеров, да и само повествование усложнилось и словно вышло на авансцену, приблизилось к читателю. Морская проза Конрада, проза начала XX в., вполне соответствует этим новым признакам. Неспроста лучшие актеры того времени, способные создать сложный психологический рисунок роли, снимались в фильмах, снятых по его книгам: Марлон Брандо в «Апокалипсисе сегодня» (по мотивам романа «Сердце тьмы») и Питер О’Тул в «Лорде Джиме».

Его герои — обычные люди, труженики моря, часто с пороками, плохим здоровьем, скверным характером. Но все меняется, когда они вступают в схватку со стихией, выполняют тяжелую морскую работу. Не геройство и не подвиги показывает Конрад: ему важна верность службе и долгу моряка. Команда корабля, пусть она случайна, груба и невежественна, в трудную минуту оказывается столь же стойкой, готовой выносить все тяжести, выпавшие на ее долю. Это как момент истины. Тогда и корабль становится не объектом спасения, а союзником и орудием борьбы за жизнь. Иначе не выиграть поединка с океаном, не вырваться из «сердца тьмы». «Делай или умри» — слова на борту старого барка «Джуди», места действия повести «Молодость», звучат как конрадовский девиз.

Конрад как никто другой дает ощущение моря, его красоты и силы, флота, работы моряка, жизни на корабле. Он пишет о человеке в чрезвычайных, но не придуманных, а пережитых им лично ситуациях. Важно, что большинство сюжетных линий эссе и повестей Конрада, характеры его героев почти достоверны. Нередко он сохраняет в своих рассказах подлинные имена моряков и судов, чтобы заставить читателя видеть то, что видел и пережил сам. Написать так, чтобы читатель оказался вовлеченным в круговорот событий, стало главной задачей Конрада.

Образы конрадовских моряков составляют целую галерею. Капитан Мак Вир из повести «Тайфун» — ординарная личность, простоватый человек, но его не согнуть невзгодами. Держаться вместе, исполнять свой долг — и можно выстоять. И вытащить корабль из ада. Он как настоящий моряк спокойно противостоит отчаянию. А вот героический силуэт старого моряка из повести «Негр с «Нарцисса»»: «В стороне от всех, на краю кормы, стоял у руля старый Сингльтон, благоразумно засунув свою белую бороду под верхнюю пуговицу блестящего дождевика. Покачиваясь над грохотом и суматохой волн, он возвышался в суровом спокойствии, всеми забытый, напряженно следя своими зоркими старыми глазами за искаленным кораблем, который открывался перед ним во всю длину, наклонившись вперед в порыве качки. Перед его высокой прямой фигурой

двигались одни только перекрещенные руки, ловкие, всегда готовые решительным поворотом задержать или снова ускорить быстрое вращение ручек штурвала».

«Эти парни из Ливерпуля были хорошей закваски — я в этом убедился на опыте. Ее дает море — необъятный простор и одиночество, обволакивающее темную, стойкую душу», — слова Конрада из великолепной повести «Молодость». И эту идею противостояния стихии и злу через исполнение своего долга, как и чувство плеча и товарищеской солидарности, он считал крайне важными, позитивными для человечества.

Творчество Конрада разноплановое, сложное, хотя предположу, что его лучшие вещи связаны с морем. Стоит отметить, что в литературе он был представлен чуть меньше тридцати лет. Его первые рассказы появились в 1894 г., практически с момента ухода по болезни с высокой позиции капитана. В начале нового века появился центральный цикл морских повестей: «Негр с «Нарцисса»» (1897), «Лорд Джим» (1900), «Сердце тьмы» (1902), «Молодость» (1902), «Тайфун» (1903). К ним примыкает книга «Зеркало моря» (1906). О ней хочется поговорить особо. Ее трудно причислить к известным литературным жанрам, хотя для Конрада она — книга воспоминаний и впечатлений о службе и море. Такое ощущение, что «Зеркало морей» — это морской письмовник, когда все элементы природы, все главное для моряка: команда, капитан, конечно, сам корабль — рассматриваются воедино и почти притчево. Конрад рассказывает о непреложных законах моря, устанавливает невидимые миру связи между человеческим, рукотворным и природным и едва ли не очеловечивает предметы, определяющие судьбу моряка в море. К примеру, якорь, вечный символ надежды: «У этого грубого, но честного куска железа, такого простого на вид, больше частей, чем у человеческого тела членов...».

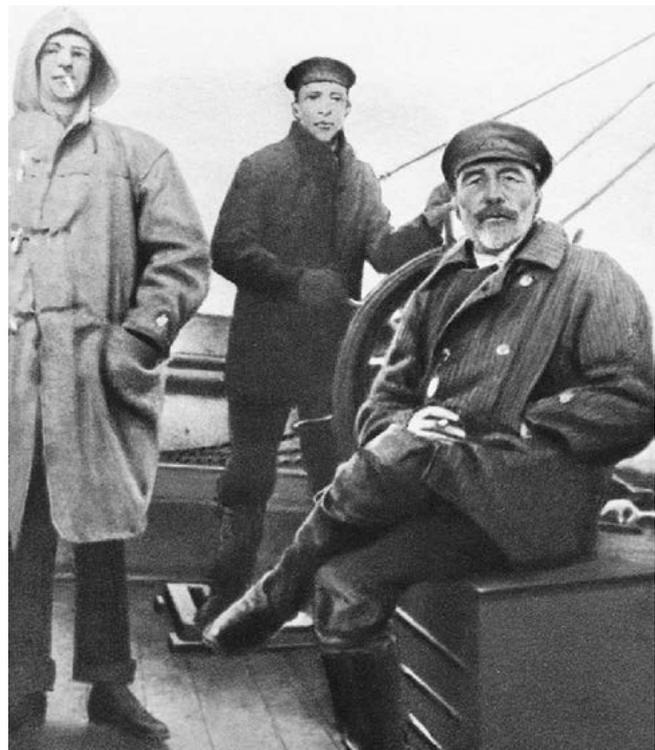
Книга, конечно, должна была сориентировать «невежественных жителей суши», а получилась данью «вечному морю, кораблям, которых уж нет, и простым людям, окончившим свой жизненный путь».

Конрад уверен, что рутина корабельной жизни наилучшим образом успокаивала команду и ее капитана, избавляя от грусти после расставания с семьей, от тоски и смятения. «Мне приходилось наблюдать, как она хотя бы на время успокаивала самые мятежные натуры. В ней есть нечто здоровое, мирное, есть удовлетворение от завершённого круга ежедневных трудов, ибо каждый день жизни на корабле словно свершает свой круг внутри огромного кольца морского горизонта. Он заимствует какую-то прелесть монотонности от величественного однообразия моря. И кто любит море, любит и всегда неизменный порядок жизни на корабле».

Конрад рассматривает бесконечное разнообразие типов в среде моряков. К достоинствам моряка он относит огромный опыт плавания, быстроту реакции и уверенность действий, умение

избегать осложнений, способность слышать снасти, талант использовать наилучшим образом изменчивые настроения неба и моря. Размышляя о капитанах с дугими репутациями, о моряках — любителях внешнего эффекта и ловкого трюка, Конрад напоминал непреложный закон моря: «Из всех живых существ на земле и на море одни лишь суда не обманешь пустыми претензиями на доблесть, не заставишь их примириться с бездарностью капитанов».

Для Конрада парусное судно было существом разумным. Он подмечал его тайную связь с умным капитаном, который интуитивно чувствовал нрав своей «морской птицы»: «Да, к судну нужно уметь приноровиться. Нужно заботливо вникать в тайны его женской натуры — и тогда оно будет

вашим верным союзником в неустанной борьбе со стихиями, в борьбе, в которой поражение не позор. Отношения между капитаном и его судном — вопрос великой важности. Судно имеет свои права, так же, как любое говорящее и дышащее существо. И право же, бывают суда, которые, по матросскому выражению, “только разве говорить не умеют” и для настоящего капитана сделают все».

Противником моряка издревле были шторма, которые воспринимались Конрадом не только как прямая угроза команде, но и философски: «Если хотите знать возраст Земли, поглядите на море в шторм. Серый оттенок всей его необозримой поверхности, глубокие морщины, которыми ветер изрыл лица волн, огромные массы пены, похожей на спутанные седые кудри, которые разметал и треплет ветер...».

Ветер по Конраду — это великая душа мира. «Во всем мире побережий, материков, океанов, морей, проливов, мысов и островов нет такого угла, который не был бы подвластен господствующему там ветру, повелителю погоды. От ветра зависят состояние моря и вид неба. Но ни один ветер не царит спокойно и полновластно в своей области на суше и воде. Как и в царствах земных, здесь есть области мирные и мятежные». И каждому ветру он отдает свою дань, описывает его сложный характер.

Не секрет, что чужеземец Конрад заставил прирожденных мореплавателей — англичан — по-новому взглянуть на море, поведав им легенды, которых они не знали, отобразив сокровенные чувства и тайны сердца моряка. «Зеркало морей» обязательно нужно читать!

Великий польский писатель и современник Конрада Стефан Жеромский так сказал об этой книге: «С непревзойденным мастерством передал он все великолепии и коварство океана. В самых знаменитых его произведениях море — сцена, на которой мелькают трагические, смешные и грустные тени актеров. Превосходная в своей простоте, содержательности и честности книга “Зеркало морей” отражает все самое правдивое и существенное, что переживает, чувствует и думает брошенный в морскую бездну человек».

Вот и старый моряк, один из героев «Зеркала морей», разглядывая парусники, стоящие в лондонском доке, словно выдыхает: «Корабли!...». И, чуть погода, прибавляет: «Корабли-то все хороши; дело не в них, а в людях...». Звучит очень по-конрадовски.

Капитан Дэвид Коун, Джозеф Конрад и художник Мьюрхед Бон на пароходе «Tuscania»